

ЭЛЛИ ДАРКИНС
Волшебная ночь
в Риме

HARLEQUIN®

kiss™

Элли Даркинс

Волшебная ночь в Риме

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК ББК 84(7Сое)

Даркинс Э.

Волшебная ночь в Риме / Э. Даркинс — «Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-07052-4

Лили стала приемной матерью для своей новорожденной племянницы абсолютно случайно. А Ник совершенно не выносит младенцев, потому что они ему напоминают о том, что несколько лет назад он потерпел фиаско как отец и муж. Лили и Ник давно потеряли надежду обрести личное счастье. И у каждого из них на это свои причины. Но их с первой встречи как магнитом тянет друг к другу. И хотя они уверены, что любовный союз между ними невозможен, противиться своим чувствам они не в силах...

УДК 821.111(73)-31
ББК ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07052-4

© Даркинс Э., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элли Даркинс

Волшебная ночь в Риме

© 2015 by Ellie Darkins

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

Лили засунула карандаш за ухо и направилась к двери. Она почти закончила создание срочного проекта сайта, потратив на это целый день, выполняя все пожелания клиента, и была рада, что справилась с работой, несмотря на хаос в доме. Даже сейчас слышались удары молотков и звуки других непонятных инструментов на кухне, где строители ломали старую мебель, готовясь к расширению помещения.

Неожиданно раздался звонок в дверь. Взглянув на часы, Лили обнаружила, что так ни разу не передохнула, усевшись за работу в шесть утра. Ей просто жизненно необходима чашечка кофе, строители тоже наверняка не откажутся от бодрящего напитка.

Бросив взгляд в окно, она заметила отъезжающее от дома такси, хотя за матовым стеклом входной двери никого не было. Странно. Она распахнула дверь. Действительно, никого.

Дети шалят? Лили прожила здесь почти всю жизнь и не помнила ни одного случая, когда кто-то звонил в дверь и убегал, и уже собралась захлопнуть дверь, когда ее внимание привлек писк котенка. Она опустила глаза.

Это был не котенок.

В углу крыльца, защищенная от прохладного весеннего ветра, стояла переносная плетеная детская кроватка, а в ней, туго завернутый в желтое одеяльце, так, что можно было рассмотреть только розовый носик и глазки, лежал младенец.

Лили инстинктивно опустилась на колени и подхватила кроватку с пола, пристроив ее на плече. Поправив одеяльце, подошла к главным воротам, оглядевшись по сторонам в поисках того, кто мог оставить ребенка у порога.

Никого.

Она повесила кроватку на руку, пытаясь понять, что происходит. Мозг лихорадочно работал в поисках причины этого неожиданного явления. Внезапно из кроватки раздалось шуршание бумаги. Отогнув уголок одеяльца, Лили обнаружила записку. Почерк в точности как у нее. Ошибки быть не могло.

«Пожалуйста, присмотри за ней».

Вот и ответ на все ее вопросы.

Лили снова подошла к воротам, надеясь разглядеть такси. Если бы только она успела догнать сводную сестру, пока та не совершила непоправимый поступок. Но такси уже скрылось из вида.

Лили стояла на дорожке, не в силах сдвинуться с места, не зная, бежать ли за помощью или занести малышку в дом. В какие неприятности угодила сестра, если отважилась на такой поступок? Неужели решила оставить ребенка навсегда? Или же вернется через несколько минут и все объяснит?

Глубоко вздохнув, Лили взглянула в чистые голубые глаза крошечной племянницы и влюбилась с первого взгляда.

Его шаги четко отпечатывались на тропинке, и это размеренное движение помогало отвести в сторону мысли, эмоции, причины и оправдания. Он чувствовал лишь четкий ритм своих шагов и собственное дыхание в такт движению.

Солнце осушало росу на траве у обочины дороги, последние местные жители торопились на станцию.

Он всегда точно подмечал подобные вещи, как и восхищенные взгляды двух женщин, мимо которых пробежал. Но все это не имело значения. Лишь утром он сумел сконцентрироваться на том, чего действительно хотел. Поэтому никакой музыки, никаких восхищенных взглядов. Только он и дорога. Ничто не могло испортить то короткое время, когда он отгора-

живался от опасностей и ужасов этого мира, больших и малых, с которыми часто приходилось сталкиваться на работе.

Завтра он сможет найти уединенную тропинку в Ричмонд-парк, а сегодня утром ловко маневрировал между столиками кафе и прохожими, читая названия улиц в поисках адреса, который прислала сестра. Она получила мебель и оставила ключи от его новой квартиры у подруги, которая работала на дому.

Он завернул за угол и оказался на тихой боковой улочке. Неожиданно раздавшийся отчаянный вопль младенца вывел его из состояния покоя, он споткнулся, угодив ногой в тротуарную щель. Попытался бежать, но обнаружил, что это невозможно. Тогда решил считать номера домов, пытаясь не обращать внимания на пронзительные детские вопли. Но чем больше считал, тем сильнее нарастало ощущение неизбежности. Чем ближе подходил к тому месту, откуда доносился крик ребенка, тем сильнее хотелось сбежать, хотя он понимал, что это невозможно.

Размеренный ритм и сосредоточенность на этот раз покинули его. Тело не слушалось, не в силах противостоять крикам младенца, раздиравшим барабанные перепонки. Увидев слева поворот на другую улочку, он на мгновение пожелал свернуть, скрыться, но ноги перестали повиноваться. Он ускорил шаг, направляясь к оцепеневшей женщине с кричащим младенцем, стоявшей на крыльце одного из домов.

Бросив взгляд на номер дома, он понял, что это именно тот адрес. Сестра отправила его в дом с ребенком, даже не предупредив.

– Привет, – осторожно обратился он к женщине, медленно приближаясь к дому. «Кажется, ее зовут Лили», – подумал он. – У вас все в порядке? – Невозможно удержаться от этого вопроса, ведь она стояла с плачущим ребенком на руках словно оглушенная.

Ее светлые волосы, собранные в хвост, сверкали в лучах яркого солнца. Голубые глаза, большие и чистые, выражали такой ужас, что он замер на месте.

Она непонимающе уставилась на него, он всем своим видом демонстрировал, что не причинит ей вреда.

– Я Ник. – До него дошло, что она понятия не имеет, кто он такой. – Доминик. Брат Кейт. Она сказала, чтобы я зашел за своими ключами.

– О боже! Я совершенно забыла.

Однако она не двинулась с места. Окинула медленным взглядом его футболку, спортивные шорты и, задержавшись на стройных ногах, снова посмотрела ему прямо в глаза. Несмотря на отчаяние и смятение, он заметил, как в ее глазах вспыхнуло любопытство.

– У вас все в порядке?

Ее поза и ошеломленное выражение лица говорили об обратном.

– О, все хорошо.

Он видел, каких усилий ей стоит натянуть на лицо веселую улыбку, но это не помогло полностью замаскировать страшное беспокойство, снедавшее ее. Эта скрытность вызвала у него невероятное любопытство, желание узнать, что же таится в глубине души этой женщины.

– Моя сестра, – начала она с напускной беспечностью, – никогда не предупреждает заранее, что мне надо посидеть с ребенком.

«В ее словах не более пяти процентов правды», – решил он и вдруг ощутил, что хочет глубже заглянуть в ее глаза, вывести секреты, все то, о чем она не желала говорить вслух. Неужели здесь скрывается подвох? Неужели его сестра все специально подстроила? Нет, едва ли Кейт могла быть такой жестокой и намеренно втянуть его в историю с последствиями. Однако ему отчаянно хотелось узнать как можно больше об этой женщине. Распутать клубок ее тайн. Тем не менее он больше не может игнорировать крики ребенка, нечего и думать о продолжении знакомства. Надо немедленно уйти от этой женщины и крошечного вопящего комочка. Уйти, пока не затянуло слишком сильно в непонятную историю, пока не открылась рана десятилетней давности, почти уже переставшая болеть.

И все же нельзя просто так оставить человека в беде, бросить ребенка, как бы тяжело ни было. Он понял это во время первой поездки в Индию, когда ему довелось увидеть детей-рабов, шьющих одежду, которую затем продавали в фешенебельных британских кварталах. Он не мог уйти, ничего не сделав, не попытавшись помочь несчастным людям.

Теперь, десять лет спустя, благотворительное общество, основанное им, помогло спасти сотни, тысячи детских жизней, освободить от нищеты и рабского труда. Вот и сейчас он просто не в состоянии выносить плач этого ребенка.

Несчастливым детям, кем бы они ни были, где бы ни жили, необходима помощь. Он наконец заставил себя взглянуть на плачущую малышку и понял, что опасения не напрасны. Он попал в серьезную переделку, и все мысли о том, чтобы уйти, бессмысленны. Это новорожденный младенец, вероятно, всего несколько часов от роду, беспомощный, уязвимый и, судя по выражению лица Лили, абсолютно неожиданный.

Ребенок взял новую ноту, Лили принялась бодро трясти его. Он догадался, что у нее не было того, чего хотел малыш.

– Ваша сестра оставила молоко? Или молочную смесь?

Она подняла голову и встретила с ним взглядом, ее глаза по-прежнему скрывали истинные чувства. В странном выражении лица таилось нечто опасное и привлекательное, что влекло к ней помимо его воли. Он чувствовал, как постепенно их начинают скреплять невидимые узы. И главная причина – история с младенцем. Это было опасно, он не хотел иметь ничего общего с происходящим, однако остался.

– Сестра попросила меня купить молочную смесь. – Она, очевидно, придумывала на ходу. – Спасибо, что зашли, но мне надо в магазин.

Свои следующие слова он обдумывал очень тщательно, понимая, что не должен спугнуть ее, видя по ошеломленному лицу, что она еще не до конца поняла, в какое сложное положение попал младенец. Кому только пришлось в голову оставить новорожденного ребенка с родственницей, которая не ожидала ничего подобного? В этой истории все очень непросто. Он подозревал, что здесь скрываются непонятные и неизвестные им обоим подробности.

– Малыш очень громко кричит. Как насчет того, чтобы подстраховаться и показать его врачу? В больнице за углом есть поликлиника.

Услышав это, Лили заставила себя встряхнуться, расправила плечи и крепче прижала к себе девочку. Заметив страх и замешательство, он вдруг отчаянно захотел обнять Лили, обнадежить, что все будет хорошо. Но он последний, кто может обещать нечто подобное, поскольку сам не очень-то в это верил.

– Возможно, вы правы. – Она пошла к садовой калитке. – Ключи Кейт лежат в верхнем ящике комода в холле. Можете сами захлопнуть дверь, когда будете уходить?

И вышла на улицу, крепко прижимая к себе плачущего ребенка. Он взглянул на дом и заколебался. Ему нужны ключи, но нельзя оставить дом открытым. Лили не взяла с собой ни сумочку, ни кошелек, а что, если у нее нет ключей? Поэтому выбора нет, надо забрать свои ключи и, взяв ее сумочку, бежать за ней на крики младенца.

Он просто хотел убедиться, что с ребенком все будет хорошо.

– Я пойду с вами, – заявил он, догнав Лили.

Эти слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. С самого начала ему не хотелось принимать близко к сердцу эту маленькую семейную драму, но это все-таки произошло. Возможно, он ошибался, но интуиция и косвенные улики свидетельствовали о том, что ребенка бросили, а значит, и ему, и его матери может угрожать опасность.

Ник пытался думать исключительно о ситуации с младенцем, отгоняя мысли о том, как все могло сложиться, если бы они с Лили встретились при других обстоятельствах. Ему следует позвонить Кейт. И возможно, в полицию, только полицейские смогут разузнать, все ли в порядке с матерью младенца. Но он не мог отделаться от интереса к Лили. Она обладала

волшебной силой обаяния, которая влекла его к себе и одновременно отталкивала, пробуждая горячее любопытство.

Глава 2

Лили не сводила глаз с Ника, прислонившегося к стене у двери. Он то и дело поглядывал на дверь, словно напоминая себе, что может уйти в любой момент. Интересно, почему он до сих пор здесь?

В обычных обстоятельствах она сказала бы, что привлекательный мужчина, без вредных привычек, сдержанный и серьезный, может появиться в ее жизни когда пожелает, если у нее будет возможность внимательнее рассмотреть его стройные бедра. Но сейчас явно неподходящий момент.

У нее нет времени разглядывать мужчину и отвечать на его вопросы. Сейчас она могла думать лишь о сестре Хелен, ее новорожденном ребенке и о том, что можно для них сделать.

Лили мерила шагами комнату, поглядывая на малышку и пытаясь понять, что делают врачи. Неужели с племянницей что-то не так? Если б все было в порядке, ей уже непременно сообщили бы. Она не хотела отдавать девочку врачам, но выбора не оставалось.

Для нее уже стало привычным делом отпустить ситуацию и наблюдать издалека. Отца Лили потеряла еще до своего рождения – он нисколько ею не интересовался. Мать умерла, когда ей исполнилось тринадцать, и с того момента сестра с каждым днем стала все больше отдаляться от нее. Лили хотела семью, заботиться о сестре, но, видимо, слишком много просила у неба.

Теперь кто-то позвонил в полицию, и сестра, которая сейчас далеко от нее, оказалась в еще большей беде. Лили старалась не думать о том, что могло произойти. Страшно представить, что Хелен нужна помощь, а она где-то далеко и совсем одна. Если полиция сможет ей помочь, Лили согласна сотрудничать с властями.

Она снова принялась ходить по комнате и всякий раз, проходя мимо ребенка, вытягивала шею, пытаясь разобрать, что происходит.

– Нам необходимо провести пару тестов, – сказал врач.

Почему же они так долго этим занимаются?

Лили быстро взглянула на Ника и тут же отвела взгляд. Странно, почему она раньше никогда не встречалась с братом Кейт? Обычно лучшие подруги рассказывают друг другу о своих симпатичных братьях. И она вдруг вспомнила, как Кейт упоминала о его отъезде за границу. Он занимался благотворительностью, помогая детям, работающим на заводах в странах третьего мира. Недавно его переманила одна из крупных торговых компаний-конкурентов, и теперь он должен был возглавить совет директоров, разбираясь с их каналами поставок. Привлекательный, добрый и перспективный. Редкое исключение из правил.

Правда, было в нем нечто такое настораживающее, странное напряжение в теле и голосе наводило на мысль, что у этого человека есть тайны и в них ей лучше не вторгаться. Интуиция подсказывала держаться от него подальше. Этот мужчина не для нее. Предупреждение довольно серьезное.

Ник подошел к ней:

– Постарайтесь успокоиться. Я уверен, все в порядке, просто врачи хотят лишний раз в этом убедиться.

Лили закусила губу и кивнула в ответ, понимая, что он прав. Он указал на кресло и, откашлявшись, пристально посмотрел ей в глаза.

Она продолжила расхаживать по комнате в ожидании новостей, потом услышала пронзительный детский крик и ринулась к кровати, чтобы схватить малышку. Врач, уколотивший младенца в пятку иголкой, едва взглянул на нее:

– Простите, мы еще не закончили.

– Но вы делаете ей больно!

Лили подхватила малышку на руки, осторожно стерев капельку крови с пяточки, и что-то нежно зашептала, укачивая ее в своих объятиях. Оказавшись на руках, девочка перестала плакать и уткнулась носиком в грудь. Лили крепче прижала ее к себе, инстинктивно заслоняя от врача, который сделал больно, и почувствовала, как постепенно расслабляется маленькое тельце. Она поцеловала малышку в лоб и, прижавшись к ней, вдохнула удивительный детский запах. Радуюсь, что сумела успокоить девочку, взглянула на врача. Заметив его недовольное лицо, Лили перешла в наступление:

– Я ее тетя. Вы уже закончили свои тесты? Мне кажется, с нее достаточно и этого.

Она не спускала с врача пристального взгляда, пока тот не признал, что они выяснили все, что требовалось. В этот момент Лили заметила Ника, который с посеревшим лицом застыл около двери.

– Когда она вскрикнула, – пробормотал он, – я подумал...

«Судя по всему, безумно испугался», – поняла она и шагнула к нему навстречу, чтобы приободрить.

– С ней все в порядке. С нами все в порядке, – заверила она ласковым тоном, каким разговаривала с малышкой, и развернула к нему ребенка. – Смотрите, она успокоилась.

Из его груди вырвался вздох облегчения. Лили заметила, как схлынуло напряжение, силы покинули его. Она заглянула ему в глаза, ища ответ, однако уловила лишь боль. Давнюю боль, с которой он долгие годы жил и свикся настолько, что перестал замечать. Пока не услышал крик ребенка. В этот миг боль пронзила его сердце с новой силой.

Ей захотелось успокоить его так же, как малышку, стереть страдальческие складки с лица и унять боль в душе. Но что-то подсказывало: если она обнимет мужчину, покоя ему уже не видать. Лили прижалась к стене, стараясь сократить расстояние между ними.

– Вы в порядке? – спросила она.

– Да.

Ответ прозвучал сухо и неожиданно резко. Она увидела, как страх и боль в его глазах медленно исчезли, лицо сделалось непроницаемым.

– Мне необходимо выпить кофе. Не составите компанию в буфете? Мы здесь уже очень давно.

И оставить малышку с незнакомыми людьми?

– Нет, спасибо. Не хочу оставлять ее одну.

Он окинул ее пристальным взглядом:

– Хорошо, схожу один.

Теперь он выглядел гораздо лучше, так же как у нее в саду, загорелый, подтянутый и мускулистый. Ни намек, что вот-вот сползет по стене, лишившись чувств от страха.

Когда он вернулся с кофе и пирожным, от него исходила уверенность, хотя взгляд был по-прежнему непроницаем. «Отлично, – подумала Лили. – Непроницаемость – прекрасная защита. Если мы оба станем вести себя осторожно, борясь с бешеным притяжением, возникающим между нами, возможно, все закончится благополучно».

– Мне пора. Я обещал встретить Кейт, а она не отвечает на звонки, поэтому не могу отменить встречу. Не хочу заставлять ее ждать.

И он ушел. Очевидно, испытывая огромное облегчение. Она вежливо поблагодарила его, но горько вздохнула, когда он скрылся за дверью.

Глава 3

Кейт ворвалась в процедурный кабинет, окруженная аурой драматического персонажа. Лили расплылась в улыбке при виде лучшей подруги. Если кто-то и мог ей помочь разумно разобраться в этой истории, так только Кейт. Подруга обладала способностью в любых ситуациях докапываться до правды.

– Возвращаюсь я из суда, забегаю к брату в его новую квартиру, а он рассказывает мне эту безумную историю о твоей дорогой сестрице, новорожденном младенце и больнице. Я и понятия не имела, что происходит, потому решила сразу приехать сюда и лично узнать все подробности от тебя. Объясни мне, Лили! Откуда взялся этот несчастный младенец? Что ты делаешь здесь? И почему мой брат становится таким уклончивым, стоит лишь произнести твое имя?

Лили не смогла удержаться от смеха. Кейт, как всегда, сумела все упростить и разложить по полочкам.

– Это ребенок Хелен. Она оставила девочку у моего порога вместе с запиской. А твой брат как раз пришел за своими ключами, проводил нас сюда и ждал, когда закончится осмотр.

Ей редко доводилось видеть, чтобы Кейт лишалась дара речи, но подруга неожиданно упала на стул и умолкла. Лили почти удалось прочесть ее мысли по глазам. Разум адвоката уже просчитал ситуацию. Обдумав все сказанное и предположив то, что могла утаить Лили.

– Ладно, расскажи все еще раз. И на этот раз в подробностях.

Лили вздохнула, подумав, сколько раз еще придется рассказывать о том, что произошло. Но когда заговорила о Нике, осеклась на полуслове и умолкла.

– Ник зашел забрать ключи как раз в тот момент, когда я стояла с ребенком, не зная, что делать. Он предложил нам прийти сюда и показать девочку врачам.

– И остался ждать с тобой? Сколько прошло времени?

Лили взглянула на часы:

– Кажется, пара часов.

Кейт шумно выдохнула, Лили вскинула брови:

– Что?

– Ничего, ничего.

Лили знала ее достаточно хорошо и поняла, что подруга что-то недоговаривает.

– Как бы не так. Определенно за этим что-то кроется.

Кейт, прежде чем заговорить, долгое время смотрела на нее.

– Кое-что кроется, – грустно согласилась она. – Но это не моя тайна. Мы можем не говорить об этом?

Лили кивнула. И хотя ей было любопытно, мрачный тон подруги, столь ей несвойственный, послужил предупреждением. Не стоит больше ни о чем расспрашивать.

– Итак, ты и мой брат остались вдвоем и...

– Не совсем так. – Лили неожиданно догадалась, куда клонит Кейт. – Не думаю, что он вообще хотел сюда идти. Выглядел так, словно вот-вот бросится наутек.

– Так почему же не сбежал?

Кейт, как всегда, удалось сразить ее наповал всего одним вопросом, на который она не могла найти ответа.

– Понятия не имею.

– Зато у меня есть пара вариантов, – хитро улыбнулась Кейт. – И что теперь будет с ребенком?

Тоже нет ответа.

Наверняка полиция и врачи договорятся между собой и за ребенком приедут социальные работники. Но она не собирается отдавать племянницу на попечение посторонних людей, поскольку в состоянии сама позаботиться о девочке. Она работает на дому и строит свой рабочий график по собственному усмотрению. В работе специалиста по созданию веб-сайтов ее привлекала именно возможность совмещать работу и домашние обязанности. Она смогла бы работать и заботиться о малышке, создавая ей домашний уют.

– Девочка будет жить со мной. – Лили на мгновение оторопела от собственной прямооты и слегка сдала назад. – До тех пор, пока мы не найдем Хелен.

– Отлично. А затем отдадим ее женщине, которая все эти годы жила неизвестно где и неизвестно чем занималась?

– Хелен – ее мать.

– Ну да, и ясно дала понять, кто должен заботиться о ее дочери. Я не говорю, что забрать малышку домой плохая идея, ведь она твоя племянница. Конечно, ты хочешь заботиться о ней. Но должна предупредить: это может стать более серьезной обязанностью, чем просто работать няней. Ты готова к этому?

Готова ли она к семье? Да именно этого она сильно хотела все эти годы. После смерти матери Лили повезло. Она попала в приемную семью, где ей постепенно помогли справиться с горем и научили жить дальше. Ей повезло гораздо больше, чем сестре, которая в свои шестнадцать лет решила, что сможет сама о себе позаботиться.

Сначала они часто переписывались, но со временем письма приходили все реже, и теперь Лили не надеялась получить от сестры даже открытку на Рождество. Больше всего на свете ей хотелось иметь собственную семью. Она мечтала воссоздать тот островок счастья, который был у них с Хелен до гибели мамы. Она даже подумывала о том, что можно предпринять для ее создания. Помня о собственном опыте в приемной семье, она хотела предоставить свой дом детям, нуждающимся в заботе.

В восемнадцать лет она вернулась в старый семейный дом, показавшийся одиноким и пустым.

Маме удалось сохранить его для них с сестрой, но Лили не с кем было разделить этот дом. Но и в голову не могло прийти, что однажды ей вручат новорожденного младенца и предложат стать матерью.

– Мы должны найти Хелен, – сказала она. – Пока я могу думать только об этом.

– В этом плане есть один небольшой изъян, – заметила Кейт.

– Только один? – Лили пыталась шутить.

– Твой дом. Сейчас он превратился в стройплощадку и, если я не ошибаюсь, не подходит для малышки, не важно, останется она на время или навсегда.

У Лили вытянулось лицо. В пылу неожиданных событий она совсем забыла о беспорядке в доме. Да, сейчас она никак не могла забрать ребенка. А если не сможет позаботиться о племяннице, остается только один вариант – позволить социальным службам отдать ее в чужую семью. У Лили все сжалось внутри при мысли, что она потеряет еще одного родного человека, и пропасть между ней и Хелен станет глубже.

– Не делай такое лицо, – заявила Кейт. – Здесь нет ничего ужасного. Мы все можем уладить.

– Ты очень добра, – Лили напряженно искала решение проблемы, – но в твою квартиру едва ли удастся впихнуть еще один диван для меня. Я не уверена.

– Не в моей! Конечно нет. Там мы просто потеряем ребенка под стопками документов. Идеальное место для малышки – квартира Ника.

У Лили перехватило дыхание.

– Квартира Ника? Это невозможно.

Жить под одной крышей с этим мужчиной. Да, Лили влекло к нему с невероятной силой, и одновременно пугало это притяжение. От одного его присутствия по коже бежали мурашки.

– Тебе стоит увидеть его квартиру. Это просто смехотворно. Она в пентхаусе, естественно, с видом на реку. Он сказал, это неплохое вложение для отступных, которые ему выплатили, а также для лондонской недвижимости. Впоследствии он сможет получить неплохую сумму, если решит продать квартиру. Но я думаю, он приобрел этот дворец в память о том, как последние десять лет ночевал в тесных хостелах. Она огромная, и ты будешь его редко видеть.

Но даже мысль о квартире с видом на Темзу не могла убедить жить рядом с мужчиной, который заставлял ее сгорать от желания. Лучше всего держаться от него подальше. Но разве у нее есть выбор, когда речь заходит о племяннице. В данном случае нельзя быть излишне привередливой. И потом, возможно, страхи на его счет беспочвенны.

– Ник никогда не...

– Следующие несколько месяцев он проведет в разъездах. Думаю, улетит уже завтра. Повторяю, вы будете редко видеться. И если человек, который десять лет проповедовал мне милосердие и любовь к детям, не имеет милосердия в своем сердце и не готов приютить брошенного младенца на пару месяцев, я отрекись от него. – Вряд ли Ник всерьез воспримет подобную угрозу. – И разгроблю его милую квартирку.

– Хорошо, спроси его, – наконец согласилась Лили. А что еще оставалось?

На мгновение между ними повисла неловкая тишина, которую первой нарушила Кейт:

– Ну, есть ли у этого крохотного создания какое-нибудь имя?

– Хелен ничего не сказала.

– Но это неправильно, согласна? Ей с самого начала пришлось несладко, поэтому сейчас мы должны придумать для нее что-нибудь лучше чем просто Малышка. Итак, давай назовем ее в честь поп-звезды или какой-нибудь звезды мыльных опер. А может быть, стоит выбрать имя, известное в Голливуде?

Лили вскинула бровь.

– Поняла, мое предложение тебе не нравится. А что ты предлагаешь?

Лили пристально взглянула на девочку, пытаясь придумать подходящее имя.

– Посмотри на нее. Она такая хорошенькая, розовощекая, свежая, нежная. Как цветок. Роза. Как насчет Розы?

– Идеально подойдет, – согласилась Кейт. – Малышка Розы, добро пожаловать в мир.

Ноги Ника отбивали мерную дробь по тротуару, а он безуспешно пытался не вспоминать о Лили Бейкер. С того момента, как увидел, Ник только и думал о ней и, чтобы справиться с наваждением, без конца пытался себя чем-нибудь занять – работой, делами, спортом. Но, несмотря на отчаянные попытки, ему не удавалось вновь отгородиться от всего в своем безопасном внутреннем мире.

А тут еще и сестра подливала масла в огонь, постоянно рассказывая, как поживают малышка и ее тетя. Неужели думает, он ничего не понимает? Воображает, что незаметно управляет им? Но ведь он и в самом деле хотел знать, как дела у малышки. Кейт сообщила, что с девочкой все в порядке, врачи не обнаружили ничего серьезного, однако он, как никто другой, знал, как хрупка человеческая жизнь и как легко может прерваться.

Повернув к дому, Ник попытался следовать в привычном ритме, но ноги не слушались, и он изо всех сил понесся вперед. Едва он вошел в квартиру, как зазвонил мобильный. Кейт, как обычно, представила подробный отчет. Никаких известий о пропавшей сестре. Ребенок, судя по всему, неплохо себя чувствует в больнице. Но что-то здесь не так. Что это значит «неплохо чувствует себя в больнице»? Если с девочкой все в порядке, она должна находиться не в больнице, а дома, в своей кровати. На этот раз Кейт ничего не сказала о Лили. Может быть, намеренно?

Он не знал, как спросить о ней у сестры, не вызывая подозрений. Не мог просто сказать: «А как поживает тетя девочки? Та, с нежной кожей, интересным лицом и пылкой независимостью? Как она поживает?»

Ему отчаянно хотелось узнать о Лили. Она словно растворилась в его душе, теперь все мысли были в какой-то степени связаны с ней. Определенно это ему совсем ни к чему. Единственный способ, который поможет не думать об этой женщине и ее племяннице, – получить ответы на все вопросы.

Войдя в больничную палату, Ник сразу увидел ее. Следовало догадаться, что она проведет здесь всю ночь. Точнее, две ночи. Лили съехала на стуле, волосы спутанной массой свисали вниз, хотя на лице застыло умиротворенное выражение, сильно отличавшееся от встревоженного лица, которое он видел у нее два дня назад.

Он постучал, желая избежать вопросов, которые непременно возникли бы, если бы она поняла, что он разглядывал ее спящую. Лили резко выпрямилась, рука инстинктивно потянулась к кровати. Она быстро взглянула на ребенка. И лишь убедившись, что малышка не проснулась, обернулась к двери. Ее глаза расширились от удивления, и Ник понял, как беззащитна она была, увидев его сразу после пробуждения. Выражение лица постепенно изменилось, когда она с явным удовольствием окинула взглядом его фигуру.

Ник сразу почувствовал ее интерес, у него все сжалось внутри. Однако он ни в коем случае не хотел выдать свою реакцию. Наконец Лили посмотрела ему в глаза, и он заметил, как к ней возвращается прежняя уверенность. Она распрямила спину, лицо сделалось невозмутимым.

Разумная, думающая часть заставила его вздохнуть с облегчением. Он был рад, что она так же настороженно относится к силе притяжения, струящейся и вспыхивающей между ними, заставляя чувствовать взаимное безумное влечение. И хотя она ему нравится, он ни за что не предпримет никаких шагов к сближению. Не тот он человек, который нужен ей. Она непременно встретит другого мужчину, который станет отцом для ее малышки, на которого можно положиться. А он ничего не может ей предложить.

А душа тем временем кричала, пытаясь убедить его сделать все, чтобы нежное мечтательное выражение вновь озарило ее лицо.

– Доброе утро, – произнес он гораздо оживленнее, чем собирался. – Я принес кофе. Знаю, что персонал здесь ужасный.

– Доброе утро. Спасибо.

Ее голос был таким же настороженным, как и глаза, и он догадался, что она тоже опасалась, что они больше никогда не увидятся. Интересно, она тоже постоянно о нем думает или нет? Он решил, что нет, конечно. С какой стати? Все ее мысли о ребенке, и, вероятно, сейчас в жизни не осталось места для других дел, кроме бутылочек с молоком, подгузников и сна.

При звуке ее голоса малышка заворочалась в кровати. Лили машинально погладила ее по щеке.

– Как она?

– Все хорошо, просто прекрасно. Врачи сказали, что сегодня я смогу забрать ее домой.

Домой. Значит, все решено. Кейт права, Лили станет заботиться о девочке, как просила ее сестра. Он поступил правильно, не поддавшись притяжению, возникшему между ними. Точно знал, что никогда не сможет завязать серьезные отношения с женщиной с ребенком. Он просто больше не сможет пережить боль, которую когда-то довелось испытать.

И даже если сестра Лили вдруг вернулась бы, он не мог представить, что Лили не захочет иметь собственных детей. Видел, с какой нежностью она смотрит на племянницу. В этом взгляде безошибочно угадывался сильный материнский инстинкт.

– Отлично. Я рад, что с ней все в порядке. – Он почувствовал неловкость, не зная, что делать дальше. Лили наверняка удивилась, зачем он пришел. Или нет. Возможно, заметила его неподдельный интерес.

Хотя, не исключено, он придумал себе это притяжение, вообразил, как расширяются ее глаза, стоит ему оказаться рядом, она краснеет, когда они случайно встречаются взглядами. Возможно, она видела в нем лишь отзывчивого человека, который захотел поддержать ее своим присутствием. Ах, если бы она только знала, как когда-то он подвел людей, которые больше всего на свете нуждались в его поддержке. Он взглянул на табличку над кроватью и увидел, что у девочки появилось имя.

– Розы? – Он удивился. Кейт и словом не обмолвилась об этом.

– Мне кажется, это имя ей подходит. – Лили пожала плечами. – Но это пока не официально. Если Хелен не понравится имя...

– Чудесное имя.

– Послушайте, мне неудобно просить, ведь вы и так столько делаете для нас... – Лили взглянула на дверь. Ник замер в ожидании. Ему вдруг захотелось исчезнуть. Но он снова заговорила, и он понял, что бежать уже слишком поздно. – Всего на пятнадцать минут, пока я приму душ. Медсестры, конечно, заглядывают сюда, но я не хочу оставлять ее одну и знаю, что могу доверить вам девочку.

Ком подкатил к его горлу, он не смог выдавить из себя слово «нет». Он не доверял себе заботу о детях с того самого утра, когда обнаружил в кровати окоченевшее тело своего сына. Но безграничное доверие на лице Лили тронуло его сердце. Он и представить себе не мог, что подобное еще возможно. И больше всего на свете хотел, чтобы у ребенка, маленькой Розы, все было хорошо. Ведь, в конце концов, именно за этим он явился сюда. Да, он вполне может посидеть пятнадцать минут с девочкой, обеспечивая ее безопасность, пока Лили будет заниматься своими делами.

– Конечно, идите. Вам надо привести себя в порядок.

У нее вытянулось лицо. О боже, он вовсе не это имел в виду. Хотя только что сказал: «Ты ужасно выглядишь». Не так ли? Что в этой женщине заставляет чувствовать и вести себя как идиот?

Он попытался пойти на попятный:

– Простите, я вовсе не это хотел сказать. Вы прекрасно выглядите. Я имел в виду... просто хотел сказать, что вы две ночи подряд провели на этом стуле и, готов поспорить, ужасно устали. Но выглядите вы потрясающе.

Это объяснение тоже вышло неудачным. Однако Лили весело улыбнулась, очевидно, наслаждаясь его смущением и скованностью.

Подозрительный звук и неприятный запах, разлившийся по комнате, заставили Ника прервать поток извинений. Он взглянул в глаза Лили, и они оба расхохотались.

– Ну что ж, если поменяете подгузник, возможно, я смогу вас простить.

Возразить он не успел, она вышла, оставив его один на один с малышкой. Он не ожидал такого поворота, поскольку согласился всего лишь посидеть со спящей девочкой пятнадцать минут, но делать нечего, пришлось взять подгузники и действовать по наитию.

Ник сощурил глаза, стараясь не разглядывать розовые щечки и крохотные пальчики Розы. Ему нужно сосредоточиться на своем задании, не думая о том, что в этом крохотном тельце горит новая жизнь, озаренная множеством возможностей, и это всего лишь в семи фунтах веса, крохотных пальчиках, животике и чудесном детском запахе. И он не должен вспоминать о сыне.

Вдруг Розы заворчалась. Застегнув кнопки на ползунках и вымыв руки, Ник принялся молиться про себя, чтобы она не расплакалась. Но вот ее лицо сморщилось, на глазах показались слезы, и отчаянный заунывный плач огласил комнату. Ник зажмурил глаза, подложив руку ей под головку, а другой придерживая под спинкой, пристроил ее на плечо, шепча лас-

ковые слова в надежде, что это поможет успокоить малышку. Он старался вообще ни о чем не думать, слегка укачивая девочку, ожидая, когда она перестанет плакать. И изо всех сил старался не вспоминать, как впервые взял на руки своего сына Макса.

Или последний раз.

Подумав об этом, Ник чуть сильнее прижал к себе Розу, словно пытаясь защитить эту бесценную хрупкую жизнь. Постепенно громкий плач сменился всхлипываниями, и она уткнулась носиком в его плечо, пытаясь найти грудь. Ник оглядел комнату в поисках бутылочки с молочной смесью. «Можно спросить у медсестер», – решил он.

Положил Розу на руку и вздрогнул, неожиданно вспомнив, как когда-то вот так же держал сына. В дверях он столкнулся с Лили. Она заметно посвежела после душа, влажные волосы обрамляли ее лицо без макияжа. При взгляде на нее у Ника перехватило дыхание.

Теперь бесполезно убеждать себя, что его интересовало лишь благополучие Розы. Все гораздо сложнее. Все дело в Лили. Он просто не может перестать думать о ней. В этом-то и проблема. Если бы они встретились хотя бы за день до появления ее сестры с ребенком, он без колебаний отдался бы во власть соблазна, с удовольствием бы наслаждался тем, какой свежей и нежной выглядела Лили после душа. А душ она бы принимала в его квартире и спала бы в его постели.

Все в ней вызывало у него восторг. Но она без раздумий взяла на себя ответственность за дочь сестры. И потому он понимал: им никогда не быть вместе. Глядя, как Лили смотрит на Розу, Ник чувствовал, что она рождена быть матерью. Она хотела семью, а он никогда не сможет ее дать и не посмеет просить, чтобы она пожертвовала своей мечтой ради него. О мимолетной интрижке тоже не может быть речи. Ник никогда не сможет до конца насладиться ее вкусом, а если начнет влюбляться, как потом заставить себя остановиться? Кроме того, он опасался, что сестра разозлится, если он станет путаться с ее лучшей подругой.

– Я хотел найти бутылочку со смесью.

– Не стоит. Я вижу, вы не удержались и взяли ее на руки? Ничего удивительного, ее так и хочется потискать.

– Вовсе нет, – резко ответил он. – Просто она плакала. Вот, возьмите ее. – Он практически всучил ей малышку, встревоженный тем, как быстро привык к забытой роли и как приятно держать ребенка на руках.

– Что-то не так? – настороженно глядя на него, спросила Лили. – Я не возражаю, чтобы вы поддержали ее.

– Я знаю. – Ник медленно перевел дух, борясь с желанием выскочить из комнаты и понимая, что должен как-то объяснить Лили свою резкость. Ему ужасно не нравился ее настороженный, подозрительный взгляд. – Просто я не умею обращаться с детьми.

Лили взглянула на Розу, которая выглядела довольной и счастливой.

– А по-моему, у вас все отлично получается.

В комнате повисла неловкая тишина, казалось, Лили пыталась подобрать слова, чтобы разрядить обстановку. Внезапно ему захотелось бежать. Ее лицо сделалось серьезным, и Ник подумал, что, возможно, она догадалась о его прошлом, хотя, возможно, Кейт все разболтала. Его сердце бешено забилося, когда он вспомнил, как неоднократно попадал впросак из-за этого. Разговоры мгновенно затухали, а следом прекращались и отношения.

– Ник, я не знаю, как и благодарить вас за то, что поддержали нас два дня назад. И Кейт сказала мне...

Не успел он осознать, что происходит, как потянулся к ней, чтобы не дать произнести эти слова. Не желал выслушивать, что именно рассказала Кейт, а она наверняка поведала, что он потерпел провал и как отец, и как муж.

Ник был готов на что угодно, лишь бы Лили не произнесла этих слов.

Он приник к ее губам, коснувшись пальцами ее щеки, и на мгновение представил, что произошло бы, если бы она приоткрыла губы ему навстречу, нежно прильнула бы к нему в ответном порыве. Если бы этот поцелуй стал не мольбой о пощаде, а чем-то страстным и соблазнительным. Но он тут же отпрянул, не дожидаясь ответа.

– Простите. – Он был не в силах смотреть в ее смущенное лицо, и поспешил к двери. – Мне не следовало этого делать.

Лили ошеломленно замерла посреди палаты, одной рукой прижимая к себе ребенка, а в другой держа бутылочку со смесью. Что, черт подери, произошло? Она лишь собиралась поблагодарить за то, что он позволил им пожить в его квартире до тех пор, пока не закончатся строительные работы в ее доме. Но испуганный взгляд заставил ее замолчать, а поцелуй – перестать думать.

Ей с самого начала было сложно представить свою жизнь в его квартире. Ну и как она сможет жить там после поцелуя, который пробудил горячие фантазии, а она изо всех сил пыталась от них избавиться? Будь у нее выбор, она непременно за него ухватилась бы. Но Кейт права. Это единственный шанс, и поцелуй не в силах ничего изменить.

Она вспомнила лицо Ника, когда он укачивал Розу на руках, словно это для него самое естественное занятие на свете. Очевидно, ему и раньше приходилось иметь дело с детьми. Возможно, у него был ребенок, и именно в этом кроется причина его затаенного страха и боли? Она решила, что лишь потеря ребенка способна навсегда запечатлеть в глазах человека такое горе. Если в его душе столь ужасная и опустошающая боль, почему он позволил ей жить в своей квартире?

Она обернулась на стук в дверь, полагая, что Ник вернулся отменить приглашение, сказать, что ей не место рядом с ним. Но это оказалась сотрудница социальной службы. Женщина улыбнулась ей.

Глава 4

Поднимаясь в лифте на последний этаж в пентхаус, Лили прислонилась к стене и взглянула на Розу, спящую в коляске. Она не могла окончательно поверить, что все-таки решилась на этот шаг. Но Кейт пообещала, что Ник не будет против. На следующей неделе он собирался в деловую поездку, и у нее достаточно времени, чтобы обжиться на новом месте. И совсем не будет времени вспоминать о нем. Или о том поцелуе.

И о чем он только думал? Наверное, как и она, ни о чем. Возможно, прикосновение к ее губам изгнало из его головы все разумные мысли и привело их обоих в полное замешательство.

По крайней мере, с документами и официальной стороной вопроса по опеке над девочкой вопросов не возникло. Оставалось оформить несколько официальных бумаг и доказать, что после рождения ребенка Хелен получила необходимую медицинскую помощь – физическую и психологическую. К счастью, об уголовном наказании из-за оставления ребенка речи не возникло. Речь шла исключительно о благополучии Хелен и Розы.

Горы раскрытых пакетов и коробок загромождали холл, превращая изысканные холостяцкие апартаменты в ничем не примечательную, забитую разным хламом квартиру. Кейт опередила ее и забрала все покупки, пока Лили находилась в больнице с Розой. Впереди их ждало много дел, чтобы сделать квартиру пригодной для новорожденной крошки.

Она заглянула в гостиную и с трудом сдержала восторженную дрожь при виде роскошной кожаной мебели, обилия дымчатого стекла и хрома. Все здесь сверкало. Лили подумала, не сошел ли Ник с ума, пустив ее с ребенком в такую роскошную квартиру. Одно она знала точно: даже если Роза станет себя вести безупречно, ей будет нелегко поддерживать идеальный порядок в этом дворце.

– Кейт? Ты здесь?

Голос Кейт раздался из другого конца холла:

– Здесь! Как раз воюю с детской кроваткой.

Лили направилась на звук недовольного бормотания подруги и обнаружила ее в роскошной спальне. В проходе между дверью и огромной кроватью с горой подушек виднелась кудрявая голова Кейт, склонившаяся над перекладинами наполовину собранной кроватки.

– И кто побеждает?

– Зависит от того, кто ведет счет в этой игре. – Ответ сопровождался новым взрывом брани.

Лили закрыла ушки Розы и шикнула на подругу.

– Прости, Роза! – воскликнула Кейт, отбросив наконец отвертку и выбираясь из россыпи плоских деталей для кроватки. – Как наши дела? – Она обняла Розу и поцеловала Лили в щеку.

– Она в порядке. Никаких отклонений. Спасибо, что помогла нам.

– Не говори ерунды. Это пустяки. Ну а теперь почему бы тебе не положить ребенка и не помочь мне?

– Пойду схожу за ее переносной кроваткой. Посмотрим, поместится ли Роза в ней.

Выйдя в холл, Лили вдруг заметила темную тень мужчины прямо перед ней и отпрыгнула к стене.

– Ник? – Она чуть крепче прижала к себе Розу.

Он приблизился к ней. Она заметила на его лице удивление и страх.

– Лили, какого черта?

– Кейт!

Она не поняла, кто из них первым позвал Кейт, но Лили вдруг стало ясно, что Ник и понятия не имел, что она окажется здесь. Смущение окрасило ее щеки в пунцовый цвет. Кейт и ей должна была все объяснить.

Появившись в дверях, подруга напустила на себя невинный вид.

– Какого черта она здесь делает?

Лили взглянула на Ника, неприкрытая злоба в его голосе вызвала у нее почти физическое отвращение. Она удивилась не меньше, увидев его в квартире, ведь Кейт обещала, что его не будет в городе по меньшей мере неделю, но гнев стал полной неожиданностью и сильно обидел ее.

– Ник, не смей так говорить о Лили, – укорила Кейт. – Обещаю, я все объясню. Ты ведь не должен был прийти.

– Это мой дом. Куда мне еще идти?

– Ну, для начала ты должен был улететь в Индию. А потом в Бангладеш. И в Рим. А потом...

– А я вот решил провести пару недель в офисе, прежде чем уехать за границу. Отложил поездку. И не должен ничего никому объяснять, ведь это не я здесь не на своем месте.

Он многозначительно взглянул на Лили.

– Послушай... – Кейт включила свой хорошо поставленный голос адвоката. Лили вдруг почувствовала жалость к Нику. Когда подруга начинала разговор таким тоном, не оставалось сомнений, что все выйдет так, как она хочет.

Хотя теперь не имело значения, как Кейт собиралась представить ему ситуацию. Лили не могла оставаться в этой квартире, выносить яростные взгляды, которые он метал на нее и на свою сестру.

– Дело вот в чем. Лили необходимо где-то жить. Она не может вернуться домой с Розы, пока там нет кухни и задней стены. Там холодно и сыро. А у тебя огромная квартира, которая должна была пустовать всю следующую неделю. И даже если ты останешься дома, здесь хватит места на огромную семью.

Ник открыл рот, чтобы возразить, но Кейт подняла руку, прерывая его:

– Теперь у тебя, мистера Гуманиста, который провел последние десять лет, спасая детей, работающих на фабриках, появилась возможность воплотить в жизнь собственные проповеди у себя дома. Хочешь быть благодетелем – начинай с собственного дома, ты ведь знаешь.

Услышав избитое выражение, Лили закатила глаза и краем глаза увидела, как Ник слегка ухмыльнулся. Когда наконец она нашла в себе смелость взглянуть на него, заметила, что злость исчезла и он весело улыбнулся сестре:

– О, ты великолепна. Очень хороша. Надеюсь, тебе достойно платят.

– И я того заслуживаю. Ну а теперь, когда ты дома, я не собираюсь вмешиваться не в свое дело. – Она сунула ему в руку отвертку. – Я оставлю вас наедине, чтобы бы все обсудили.

Лили не успела и слова вымолвить, как Кейт выскочила за дверь, оставив ее с ребенком на руках, а Ника с отверткой.

– Мне так жаль. – Она торопливо укладывала Розы в кроватку. – Кейт сказала, что вы согласились, но мне следовало догадаться. Я соберу вещи, вызову такси, и мы уедем.

Ник смерил ее долгим пристальным взглядом. Она изумленно наблюдала, как разнообразные чувства на его лице сменяют друг друга. Сначала напряженные морщины избороздили лоб, он прищурился, затем лицо разгладилось, словно он смирился с неизбежным.

– И куда вы поедете?

– О-о... – Лили махнула рукой. Может, он не догадается, что она понятия не имеет, что делать дальше. – К себе домой, конечно. Все не так уж плохо. Не сомневаюсь, я что-нибудь придумаю.

– Что именно?

– Поживем в гостинице. – Лили придумывала на ходу. – Возможно, сниму квартиру на время.

Он глубоко вздохнул и, улыбнувшись, медленно покачал головой:

– Оставайся здесь.

– Ник, я не могу.

– Кейт права. Вам с девочкой надо где-то жить. А у меня полно места.

Лили окатила теплая волна облегчения. На какое-то мгновение она подумала, что окажется на улице и не сможет дать Розе уютный дом, который ей так необходим. Только эта мысль заставила ее проглотить гордость и согласиться на его предложение, которое, конечно, казалось ужасным.

– Спасибо. Обещаю, мы не будем вам докучать.

Лили стояла посреди кухни, внимательно разглядывая множество кнопок на кофеварке эспрессо, встроенной в стену. Она уже вскипятила чайник, опасаясь многочисленных хромированных рычажков и кнопок кофемашины, но, не обнаружив банки с кофе, поняла, что все-таки придется вступить в бой с этим чудовищем. Попыталась повернуть блестящий рычаг влево и резко отпрыгнула назад, когда из носика, спрятанного внизу, вырвалась струя пара. Слава богу, Роза спокойно спала в своей комнате.

Неожиданно над ее плечом промелькнула мужская рука и вернула рычаг в прежнее положение. Пар исчез, а ее покрасневшее лицо покрылось испариной.

– Вот здесь, – объяснил Ник, забирая у нее чашку. – Давай покажу.

– Спасибо. – Лили прислонилась к кухонной стойке.

Оба явно чувствовали себя неловко. Она ничего не могла с собой поделать, снова и снова вспоминая поцелуй в больнице. Как прижались к ее губам его губы, словно, даже целуя ее, он все еще боролся с собой. Лили не сомневалась: Ник осознавал, что поступает неправильно. И все же сделал это. Теперь они под одной крышей, и, очевидно, им придется делать вид, будто ничего не произошло. Но даже если они не станут об этом говорить, воспоминания о поцелуе витают в воздухе. Они оба чувствуют себя неловко в присутствии друг друга.

Возможно, стоит нарушить молчание, разрядить обстановку. Неожиданно из комнаты раздался плач Розы.

– Иди к малышке. А я приготовлю кофе.

Неужели? Он приглашает ее выпить с ним по чашечке кофе, как взрослые люди? А если она согласится, станет ли он вспоминать о поцелуе? А она? Они не могут и дальше вести себя так, будто ничего не произошло. Рядом с ним Лили чувствовала себя не в своей тарелке, и так будет до тех пор, пока они обо всем не поговорят. Возможно, на это он и надеялся. Рассчитывал все повернуть так, чтобы у нее не осталось выбора, только уйти. И он спокойно зажил бы в своем доме, не выглядя при этом страшным Серым Волком из известной сказки.

Лили вернулась на кухню с малышкой и принялась готовить для нее бутылочку. Ник внимательно наблюдал за ними, понимая, что истинный джентльмен должен предложить помощь, но не мог найти в себе сил соответствовать этому идеалу.

– Как хорошо, что у нас появилась возможность посидеть и поговорить. Я хотел извиниться за то, что произошло на днях. За тот поцелуй. И за свое поведение. Я знаю, что вел себя грубо.

– Все в порядке, – начала Лили, но он поднял руку, останавливая ее.

Нику не давали покоя воспоминания о замешательстве, отразившемся на ее лице, и он понимал, что, если они станут жить вместе, пусть временно, она должна знать, что этот поцелуй был ошибкой. И не надеяться на продолжение.

Они знакомы всего несколько дней, но после внезапного и странного расставания в больнице Ник не винил Лили в том, что она неправильно истолковала поцелуй. За ним не скрывается ничего серьезного. Она заслуживала лучшего. Заслуживала мужчину, который мог бы дать ей больше, чем он. Особенно теперь, когда в ее жизни появилась Роза, Лили имеет право

требовать большего. Встретить человека, который поддержит ее семью, что бы ни случилось. А его жизнь уже успела проверить, и он оказался абсолютно никчемным человеком. Будет справедливо, если она узнает, как на самом деле обстоят дела.

– Прошу тебя, я хочу все объяснить.

Она слегка нахмурила брови, осознавая, что им предстоит не слишком приятный разговор. Тяготила мысль, что он может причинить ей боль, но он заставил себя продолжить ради их общего блага.

– Тебе незачем что-то объяснять, но я выслушаю тебя, если хочешь.

Она взглянула на кухонную стойку, а когда нервно взяла свою чашку, в каждом движении чувствовалось напряжение. Беспокойство на ее лице многое объясняло. Не иначе, наверняка прознала о его прошлом. Догадалась наконец, как трудно ему находиться рядом с Розой. Неужели она поняла, что они даже друзьями быть не могут?

«Естественно, друзьями вряд ли удалось бы остаться», – подумал он, глядя, как она проводит рукой по своим волосам, отчаянно желая прикоснуться к ним и узнать, такие же они шелковистые на ощупь, как кажется. С того дня, как поцеловал ее, Ник каждую ночь вспоминал ее губы, представлял нежную кожу и упругое тело.

Он смотрел на Лили, не смея взглянуть на малышку у нее на руках, боясь, что вновь захлестнет острая боль от одного лишь взгляда на Розу, от мысли, что она находится рядом с ним. Чистый взгляд голубых глаз Лили не позволял солгать или отступить. Ник понимал, что под этим открытым искренним взглядом ему придется говорить правду и только правду.

– Я должен кое-что тебе рассказать, – начал он.

Голос сделался хриплым, и Ник почувствовал, как холод сковал грудь. Он не представлял, как произнести то, что хотел ей сказать. Как он мог поведать о самых ужасных днях своей жизни женщине, о существовании которой он еще неделю назад понятия не имел.

– Я знаю, что между нами что-то происходит, по крайней мере, у меня возникли к тебе какие-то чувства. Но ты должна знать, что больше я не позволю себе как-то их проявить.

Он старался говорить ровным голосом, не выдавая эмоций, как обычно разговаривал с людьми, живущими и работающими в невыносимых условиях. Ник опустил глаза, не в силах выдерживать ее сочувствующий взгляд. А что, если он все неправильно понял и между ними ничего не произошло? Что, если он сам придумал это причиняющее боль, невероятное притяжение между ними? Ведь он не дал ей возможности ответить на его поцелуй. Ник рискнул взглянуть на нее. Лили закусил губу, и на ее лбу залегла задумчивая складка. Но он не мог понять, что именно выражало ее лицо. Это не разочарование. И не удивление.

– Все в порядке, Ник. Тебе больше не надо ничего объяснять.

– Нет, я должен.

Он хотел, чтобы она знала, хотел признаться в своих чувствах, хотя бы раз в жизни. Хотел, чтобы Лили поняла, что не *она* виновата в том, что он вынужден держаться от нее подальше. Впервые в жизни Ник страстно желал, чтобы она смогла его понять. Он никогда ни перед кем не открывал душу, не рассказывал о том, что произошло. Но теперь, столкнувшись с последствиями сделанного много лет назад выбора, он хотел рассказать о том, что чувствовал тогда и чувствует сейчас.

– Я хочу все тебе объяснить. Послушай, дело не в тебе, Лили. – Он сморщился от отвращения, произнес эту шаблонную фразу. – Дело в Розе. В том, как ты смотришь на нее. У меня никогда не будет детей, Лили. И поэтому я не могу вступать ни в какие отношения с женщиной.

– Ник, мы едва знакомы. Тебе не кажется, что ты...

Он слишком далеко забегает вперед. Конечно, так и есть. Но если немедленно не положить этому конец, неизвестно, что может произойти потом. Ему необходимо произнести вслух то, что его беспокоит. Он должен услышать собственные слова, чтобы сжечь за собой все мосты и потерять всякую возможность когда-нибудь сблизиться с Лили.

– Возможно. Возможно, я делаю множество поспешных выводов и, возможно, все неправильно понимаю. Но дело в том, Лили, что я никогда не захочу иметь детей. Никогда. И, думаю, несправедливо будет обнадеживать тебя, принимая во внимание нынешнюю ситуацию.

Он поспешно взглянул на Розу и, ощутив, как болезненно сжалось сердце при виде ее круглых щечек и серьезного взгляда, понял, что все делает правильно. Гораздо легче все свалить на ребенка. Конечно, во многом это действительно связано с малышкой. Но здесь скрывалось нечто большее, нечто, чего он не в силах озвучить. Поступки, которых он так долго стыдился, не осмеливаясь даже думать о них, не то что рассказывать кому-то.

– Ну что ж, спасибо, что сказал мне.

Лили снова потеряла в руках кофейную чашку, взволнованно раскачивая так, что часть темной жидкости перелилась через край. Он обидел ее, а на что еще он мог рассчитывать, рассказав только половину истории? Умудрился порвать отношения с женщиной, с которой даже не успел повстречаться.

– Лили, прости, я не очень ясно выражаюсь. Просто мне трудно говорить о причине, по которой я не хочу иметь детей. У меня уже был ребенок. Я потерял сына, и это разбило мое сердце. Вот потому никогда не рискну снова стать отцом, в противном случае не выдержу, если все повторится.

Если она собирается принять вызов и растить племянницу, не думая о том, что ждет их в будущем, ей нужен человек, на которого она сможет положиться. Человек, который поддержит ее, что бы ни произошло. Никогда не отвергнет ее. А он не сумел этого сделать, когда умер Макс, не поддержал любимую женщину и потерял ее так же, как и сына.

Между ними повисла звенящая тишина, и Ник вдруг осознал, что почти прокричал свое признание. Лили выронила бутылочку, Роза недовольно запищала. Но он не сводил глаз с Лили, видя, как постепенно она начинает осознавать серьезность его слов.

Она протянула руку и сжала его ладонь. Ему следовало отдернуть руку. Ведь именно поэтому рассказал все, объяснил, почему не хочет сближаться с ней. Но он не смог. Вместо этого изо всех сил ухватился за ее руку, словно пытаясь удержаться на плаву в настоящем, не утонув при этом в воспоминаниях.

Теперь, когда она все узнала, опасность миновала. Теперь она станет вести себя так же осторожно, как и он. Ник просто хотел закончить разговор, убедиться, что она больше не думает, будто в чем-то виновата. Если бы не появилась Роза, а у него никогда не было сына... Впрочем, сейчас уже бесполезно об этом думать. Какой смысл во всех этих «если бы» и «возможно»?

– Ник, мне очень жаль. Не знаю, что сказать, но хотелось бы узнать больше о твоём сыне. Если ты, конечно, найдешь в себе силы рассказать.

Ник глубоко вздохнул и сжал лоб ладонями, затем поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде она увидела боль утраты, тоску и смятение.

– Это ничего не изменит.

Лили вновь коснулась его руки, пытаясь хоть как-то утешить, понимая, что это не в ее силах.

– Я знаю, но, если захочешь выговориться, я готова выслушать тебя.

Ник еще некоторое время пристально смотрел на кухонную стойку и наконец, слегка покачав головой, заговорил:

– Мы познакомились с Клэр на первом курсе на университетской вечеринке. Я был девятнадцатилетним наивным юношей. Мы сразу понравились друг другу и скоро стали неразлучны. Никто из нас не задумывался тогда о будущем. Нам было весело, и мне казалось, что я влюбился в нее.

Лили поразила собственная ревность к тому, что произошло десять лет назад, она с трудом проглотила подкативший к горлу тошнотворный ком, вызванный его признанием.

– Мы были юны, беспечны и влюблены и вели себя опрометчиво, не думая о последствиях.

Несложно догадаться, куда он клонит, но, зная, что история закончилась трагически, Лили ощутила ужас, ожидая, что Ник скажет дальше.

– Когда Клэр сообщила, что беременна, я был потрясен. Всего несколько месяцев назад мы жили со своими родителями, а теперь сами собирались стать родителями. Однако когда первое потрясение прошло, мы очень обрадовались.

Его голос сорвался, Лили сжала ему руку. В ее прикосновении не было ничего чувственного, ничего романтического. Она всего лишь хотела утешить, подарить надежду на лучшее.

– К моменту рождения ребенка мы стали жить вместе и даже поговаривали о свадьбе. Таким я был тогда – почти помолвленный девятнадцатилетний юнец, у которого скоро родится ребенок.

Его глаза расширились, на лице отразилась усталость, словно он не понимал, как произошло, что жизнь, о которой он рассказывал, давно рассыпалась на мелкие кусочки.

– День, когда родился Макс, стал самым счастливым днем в моей жизни. Как только я взял сына на руки, сразу понял, что люблю его. Когда вам говорят об этом другие, вы не верите, пока сами не испытаете этот восторг. Этот крохотный человечек был безупречен. Целых три недели мы были идеальной маленькой семьей. Я купал его, менял подгузники, кормил и просто сидел рядом и вдыхал его запах, глядя, как он спит. Еще никогда прежде я не был столь одержим другим человеком. Никогда не держал на руках нечто более драгоценное.

Его лицо должно было светиться от воспоминаний. Он должен был источать счастье, вспоминая самые светлые мгновения своей жизни. Но он мрачнел с каждой минутой, его голос срывался, и Лили, затаив дыхание, приготовилась к самому худшему.

– Однажды, когда ему было всего три недели от роду, мы проснулись от яркого солнечного света, льющегося в окно спальни, и сразу поняли, что случилась беда. Он не проснулся, как обычно, рано, чтобы потребовать еду. А когда я подошел к его кровати...

Не нужно было ничего объяснять. На мгновение Лили пожалела, что он вообще коснулся этой болезненной темы. Но он не стал ничего скрывать, и ему не нужна была жалость. Его сердце было разбито вдребезги, и эту ужасную боль он пронес через всю жизнь. Лили не могла разделить с ним эту боль, но искренне желала помочь хотя бы немного смягчить ее. Она готова на что угодно, лишь бы маска отчаяния спала с его лица.

– Он был мертв. Уже окоченел. Я схватил его на руки, принялся звать Клэр. Не отпускал его, пока не приехала скорая, но они уже ничем не могли помочь. И я ничем уже не мог ему помочь. Тогда мне все постоянно об этом говорили. Много дней и недель после того дня. А потом начали забывать. А возможно, думали, что я начал забывать. Но я ничего не забыл, Лили.

Ник поднял голову и впервые с начала разговора прямо посмотрел ей в глаза. И в этом взгляде Лили прочла твердую решимость.

– Я никогда не смогу забыть. И когда вижу Розу...

Теперь стало ясно, почему он отворачивался от малышки, старался не приближаться к ней. Лили вспомнила потрясенное лицо Ника, когда ему пришлось взять Розу на руки. Видя ее, как и любого другого младенца, он испытывал невыносимую боль. Конечно, в его будущем не найдется места для семьи, для детей. Теперь она поняла, почему он так боролся с притяжением, возникшим между ними. Старался защититься от новых страданий. Но ей не стало легче от того, что теперь она знала, почему между ними невозможны серьезные отношения. Понимание причиняло боль.

Но он еще не закончил свою историю.

– А Клэр?

Ник уронил голову на руки, и Лили поняла, что он прячет слезы. Прошло некоторое время, прежде чем он снова заговорил:

– Мы были раздавлены горем. Какое-то время старались справляться вместе. Но волшебство, что свело нас, рассеялось со смертью нашего сына. Она хотела моего тепла. Я не мог ей ничего дать. Пару лет назад я встретил ее, не догадаешься где, в супермаркете. Она покупала тушеную фасоль. Мы вежливо поздоровались, а что еще мы могли сказать друг другу? «Помнишь, как мы потеряли сына, наш мир развалился на части и никогда уже не станет прежним»? «Помнишь, как ты хотела, чтобы я был рядом, помог тебе пережить горе, а я не смог»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.